

«СЕТЧАТКА»

ЕЛЕНА ВАДЮХИНА

РОДНИКИ ЖИЗНИ МИХАИЛА ПРИШВИНА

*С этой далёкой горы моего прошлого и текут все родники моей нынешней жизни.
М.М. Пришвин*

Спросите своих друзей, приятелей, что они знают о Пришвине? И вам ответят: замечательный писатель, который лучше всех писал о природе. А каким вы его представляете внешне? Услышите ответ: дедушкой в очках и с собачкой. Добрый дедушка с книжкой и собачкой, попавший четырьмя рассказами, повестью и главами из романа в школьную программу. В мои школьные годы даже этого не изучалось. К сожалению, так считают не только рядовые читатели, но и писатели, мало знакомые с творчеством, биографией и взглядами писателя. В 2017 году завершилась публикация 19 томов дневников Пришвина. Конечно, к ним устремились специалисты, дневниковые записи стали источником изучения целой эпохи жизни нашей страны с 1905 по 1954 год, как для историков, так и для литературоведов. Но для обычного читателя Пришвин так и остался писателем природы для детей.

Признаться, до недавнего времени, я тоже почти ничего не знала о «писце русской природы», как назвал Пришвина Константин Паустовский, пока не посетила вместе с участниками литературной лаборатории «Красная строка» Дом-музей Михаила Пришвина в Дунине. Экскурсовод сразу предупредила нас, что времени мало, так как групп сегодня много, но и то, то мы слышали, было интересно, неожиданно, но и оставило во мне вопросов больше, чем полученной информации, поэтому я тут же приступила к дальнейшему изучению биографии писателя. Возможно, это изучение закончилось бы через два дня, если бы по просьбе руководителя «Красной строки» я не приступила к подготовке доклада о поездке, которая переросла в изучение жизни и творчества Михаила Михайловича Пришвина. При первом знакомстве на экскурсии с личностью писателя, она показалась мне странной и неразгаданной, но каждое моё прочтение пришивинских произведений, статей о его жизни или творчестве открывало мне по-новому этого человека и творца и часто кардинально меняло в моём представлении облик писателя. Вначале создавалось впечатление, что я складываю пазлы картины его жизни. Творчество и мирозрение писателя виделась как океан времени, в котором личность плыла в обретении своей гармонии. Но когда я начала читать автобиографический роман «Кашеева цепь», жизнь писателя мне представилась как поток воды, текущей из маленького и чистого источника, преодолевающего на пути завалы и превратившегося в большую реку, стремящуюся в океан мудрости и гармонии, но тот маленький ручеек не исчез, он растворён в большом потоке.

Своё первое произведение – стихотворение «Веточка малины» Миша написал в детстве:

*Скажи мне, веточка малины,
Где ты росла, где ты цвела,
Каких холмов, какой долины
Ты украшением была?*

Стихотворения Лермонтова «Ветка Палестины» и собственная «Веточка малины» были так близки между собой, что ему казалось, что настоящая его фамилия не купеческая Пришвин, а Лермонтов. Маленький друг, которому он поведал сию тайну, уличил его в обмане, сказав, что так подделывать и каждый может, но от этого Лермонтовым не станет. Разоблачение в самообмане породило в нём стыд за писательство

на многие годы, и первый свой рассказ он опубликует только в 33 года. Возраст, до которого Лермонтов не дожил семь лет. Так почему же всё-таки подражание Лермонтову стало его первым самообманом? Когда-то в детстве его с братишкой ставили на колени и заставляли читать молитвы, но какая молитва может быть у пригвождённого к полу ребёнка, и придумал он читать «Ветку Палестины». Это стихотворение он и через годы не мог без слёз прочесть, также, как и лермонтовское «Я Матерь Божия, ныне с молитвою». Поэзия заменила Пришвину религию на многие годы. Именно она породила в нём божественную любовь, которую мы будем чувствовать в каждом его произведении. В автобиографическом романе «Кашеева цепь» маленький Курьмушка, так прозвали Мишу из-за кресла Курьм, на котором он любил сидеть, слушает, как поёт гостя песню, лучше какой он после уж никогда не слышал: *«П звук его песни в душе молодой остался без слов, но живой»*. Эта строчка из Лермонтовского «Ангела», написанного как отзвук на воспоминание о чарующей песни его рано ушедшей матери.

Лермонтов с его лирической одухотворённостью природы, благоговением перед божественностью мироздания и ощущением себя в гармонии с небом оказал влияние на юного Пришвина и определил его дальнейшую судьбу. На закате своих лет, приступая к последнему роману, Пришвин написал в дневнике, перефразируя Лермонтова: *«П какой это кремнистый путь, и как больно ступать по кремням босогой ногой. Но я слышу, как звезда с звездой говорит, и иду...»*. И в конце жизни писателя стихи Лермонтова звучат как заповедь.

Не правда ли, в детстве двух русских писателей было много схожего и много различий, сыгравших роль в их судьбах. Михаил Михайлович (замечу, тезка великого поэта) появился на свет 4 февраля 1873 года в барской усадьбе Хрущёво-Лёвшино Елецкого уезда, купленной дедом, богатейшим елецким купцом. Дом был дворянский с садом, цветником, созданным его отцом, но заросшим после его смерти. В такой усадьбе хорошо мечтать, но в отличие от Лермонтова, Миша рос в купеческой семье, и несоответствие семьи дворянским культурным нормам мальчиком ощущалось остро, особенно в моменты приезда в гости господ. Ребёнок чувствовал себя в усадьбе ряженым принцем. Отца будущего писателя поразила удар после полного банкротства, когда Мише было семь лет. Перед смертью он успел нарисовать маленькому сыну голубых бобров – свою мечту, которую не успел реализовать. Михаил Лермонтов тоже воспитывался без отца в женском окружении, не застал он и деда Михаила Васильевича Арсеньева, который был до женитьбы помещиком опять же Елецкого уезда. В это имение приезжал и Лермонтов к родственникам. Дед Лермонтова был создателем парка в Тарханах, и здесь совпадают интересы предков поэта и писателя. Оба увлекались цветоводством. Есть ещё одно удивительное совпадение. Автобиографический роман Пришвина «Кашеева цепь» во многом и по стилю, и по сюжетным перипетиям героя напоминает произведение Бунина, тоже выходца из Елецкого уезда и даже учившегося вместе с Пришвиным в одной гимназии одновременно, правда, неизвестно, общались ли они в то время. Произведение это называется «Жизнь Арсеньева». Оно также написано от имени писателя, в том числе о формировании творческого литературного потенциала в раннем возрасте. Многие литературоведы указывали на внутреннюю близость Арсеньева Лермонтову. Интересно, что несмотря на большую близость двух биографических романов ни Пришвин, ни Бунин не читали романов друг друга. Замыслы у них возникли одновременно, хотя на то время их разделяли не только границы, они находились в разных цивилизациях. Но прочитав в 1953 году один из рассказов Бунина, Пришвин был потрясён близостью его со своим рассказом. Ничего удивительного, одно и то же окружение, одна и та же природа не могли не повлиять на писателей. Пришвин записал в дневнике: *«Вчитывался в Бунина и вдруг понял его как самого близкого мне из всех русских писателей»*.

Почему свой автобиографический роман Пришвин назвал «Кашеева цепь»? Писатель определяет свой роман как сказ, миф, как почти все свои произведения. Многие критики понимают это определение как некое приукрашивание действительности, романтизацию событий, но, на мой взгляд, это погружение в мифологическое магическое сознание и через него желание поведать сокровенную сущность души героя. Кашеева цепь – это страхи, несвобода, социальные и семейные ограничения. Герой разрывает звенья цепи одно за другим, поэтому и главы романа называются «звенья». И вот эпизод из первой части, названной по имени заглавного героя, «Курьмушка», проясняющий смысл романа. Засыпая, Курьмушка видит образ Голубого, небесного существа, хоть ему и объясняют, что это только голубеющий на рассвете снег. *«Тихий гость вошёл в голубых полей. Несёт по облакам светлого мальчика Сикстинская прекрасная дама. Гость пришёл не один, с ним вместе с голубых полей смотрят все отцы от Адама с новой и вечной надеждой: „Не он ли тот мальчик, победитель всех страхов, снимет когда-нибудь с них Кашееву цепь?!“»*. Значит, цепь – это не только страхи Курьмушки. Это всё земное социальное зло, которое победить может только Христос.

«Курьмушка» – это не автобиография, это описание ярких фрагментов, открывающих читателям истоки формирования личности писателя уже в раннем детстве. Роман в данной части пишется не от первого, а от третьего лица. Писатель уже не отождествляет себя со своим сознанием детского возраста, но пытается погрузиться в него и всё вспомнить. Это удивительные главы, где описывается тот возраст, когда внешние события и сны, эмоции, мечты, фантазии, страхи, привязанности слиты воедино, ребёнок чувствует многое, больше взрослых, но ещё не может объяснить и понять то, что видит и слышит от взрослых. Его посещает ранняя влюблённость, сначала во всех красавиц, потом в одну Марью Мо-

ревну, таким сказочным именем называет гостью девушку Машу Курьмушка. Страх выдать себя, проявив свои непонятные сильные чувства, столь велик, что сидя за столом с гостями бедный герой тревожится: *«Но что, если вдруг... — она — эта настоящая и единственная она — за столом ему что-нибудь скажет, ведь он непременно тогда ужасно покраснеет, и всем откроется его тайна, что это она!»*.

Сравните, как Лермонтов описывает свою первую любовь в 10 лет: *«Я не хотел говорить об ней и убежал, слыша её название... как бы страшась, чтоб биение сердца и дрожащий голос не объяснил другим тайну, непонятную для меня самого»*. Прочитав опубликованные письма и дневники Байрона, он пишет: *«Говорят (Байрон), что ранняя страсть означает душу, которая будет любить изящные искусства. — Я думаю, что в такой душе много музыки»*.

Да, влюблённость в детском возрасте говорит о развитости эстетических чувств. Это то, что было дано Пришвину, как и Лермонтову от природы. Но Марья Моревна поражает его не только красотой. Она говорит с ним на равных, она всё спокойно объясняет и успокаивает. Это она успокаивает Курьмушку в приведённом выше эпизоде о сне. Остальные взрослые считают себя старше, а следовательно, и важнее Курьмушки. Ребёнок постоянно слышит непонятные разговоры взрослых. Часто они его тревожат, в них слышатся намёки на что-то страшное или совершенно непонятное. Курьмушка понимает только интонацию. Но смысл речей ему недоступен. На вопросы Курьмушки взрослые смеются и отвечают: *«Сам догадайся»*. *«Отчего это, мама, — спросил он, — все догадываются сразу, а я после? — Оттого, что ты очень рассеян»*.

Вышла новая загадка, — все люди как люди, а он какой-то рас-се-ян-ный».

Приходится самому искать подсказки, приходиться к собственным умозаключениям. Умение не цитировать других, не подстраиваться под чужие идеи и теории, а находить собственные ответы на поставленные им самим вопросы сопровождало Пришвина всю жизнь. Его произведения, особенно дневники, надо читать вдумчиво, отбросив всяческие идеологические предубеждения и пытаясь понять его глубокие и своеобразные мысли, всегда искренние.

Не повторяя ошибок своих воспитателей, писатель стремится быть понятным любому думающему читателю. Его девизом были слова: *«Глубочайшие мысли свои выражать словами, доступными каждому, и даже ребёнку»*. Язык его прост, в нём не найдете научных терминов, иностранных слов, нет непонятных слов из диалекта, хотя он много путешествовал, изучал фольклор и мог бы использовать. Так писал Пришвин о языке своих произведений: *«Мой личный путь и мои достижения находятся никак не в моём мастерстве: я получил своё мастерство, как понимание законов родного языка, от своей матери, няньки, от школы и от всего народа даром, как все»*.

На протяжении двух лет, в 1919 и 1920 годах, он преподавал в Елецкой гимназии географию, откуда его когда-то выгнали за поведение, как раз по докладной записке учителя географии — будущего философа Розанова. Годы, проведённые в гимназии, оставили мрачные воспоминания. Вот так пишет Пришвин в «Кашеевой цепи» об отъезде своего героя в гимназию: *«Милый мой мальчик, как жалко мне с тобой расстаться, будто на войну провожаю тебя в эту страшную гимназию. Вчера ты встречал меня весь мой, сегодня я не узнаю тебя, и новые страхи за твою судьбу поднимаются, как чёрные крылья»*.

В следующей главе мы уже по одному уроку можем судить о принципах преподавания в гимназии. Учитель требовал зубрёжки, и если ученик на первом уроке не смог наизусть отрапортовать, то ему ставили единицу, а дальше, как сказал его одноклассник-второгодник, разделявший с ним последнюю парту, учить что-то уже бесполезно, всё равно будешь получать единицы. Разрывая Кашееву цепь, Пришвин-учитель, старался полностью изменить метод обучения: главное было — так рассказать о предмете, чтобы глаза у ребёнка загорелись. Вначале контакта не получилось, ученики сразу поняли, что учитель неважделашный, но потом он стал готовиться так тщательно, словно сдавал экзамен. И его ждала заинтересованность и любовь учеников. Приведу пример его урока из сохранившегося конспекта: *«Вопрос: что означает слово родина и слово отечество — какая между ними разница? Ответ: родина — место, где мы родились, отечество — родина, мною созданная»*. Основа и необычность его уроков — не давать отстранённые знания, а давать знания, идущие от самого человека, помогающие ему преобразовывать и себя, и мир вокруг, и стремиться к продолжению освоения предмета. Преподавал Пришвин буквально за паёк. Кусок чёрного хлеба на завтрак и свёкла с картошкой на обед и ужин — вот весь его рацион. Ходил в истоптанных башмаках и протёртой одежде, одет был, по словам родителей учеников, не как учитель, а хуже простого мужика. Но Пришвин, писал, что никогда бы не расстался со стезёй учителя, если бы не тяга к писательскому труду. Учительство дало ему тот свет души, о котором он молился в годы революционного мрака.

Увлечения Пришвина, повлиявшие на его судьбу, тоже родом из детства. Кто же не читал «Охотничьих рассказов» Пришвина? Все они документальны, из личного опыта писателя. Они дали ему успех не только в России, но и Германии, в отличие от многих других произведений писателя продолжают печататься по настоящее время. Михаил Михайлович сочинял эти рассказы и по увлечению, и потому, что писать об охоте во времена жёсткой диктатуры и цензуры было делом безопасным по сравнению с теми статьями, которые он сочинял в первые месяцы революции. Приобщил ли его к охоте отец, страстный охотник, неизвестно — об отце он пишет только в одной из глав «Курьмушки». Зато в произведениях писателя ярко запечатлён образ деревенского деда Митрофана, прозванного Гуськом, обучающего мальчика и навыкам

охоты, и умению наблюдать за природой (именно рассказ «Гусек» Пришвин считал близким буннинскому «Сон Обломова-внука»). Так описывает Пришвин возвращение после ловли певчего перепела с Гуськом: *«Охотники, мокрые от росы, шагают по полю домой, будто водяной со своим маленьким сыном переходит из озера в озеро»*. Из далёкого детства пришло к Михаилу Михайловичу умение видеть в природе удивительное, необычное и прекрасное. Сам Пришвин считал себя не писателем, а художником, передающим красоту увиденного им не кистью, а словом. Он не просто изображал природу в традициях русской литературы, он олицетворял и деревья, и птиц, всё живое и неживое в природе. Я приведу для иллюстрации один маленький отрывок из сказки-были «Кладовая солнца»: *«Но случилось на небе в это время одно облако. Оно явилось как холодная синяя стрелка и пересекло собой пополам восходящее солнце. В то же время вдруг ветер рванул, ёлка нажала на сосну, и сосна проstonала. Ветер рванул ещё раз, и тогда нажала сосна, и ель зарычала»*.

Из этих прогулок в пшеничные поля по ночам, из сказок, слышанных и прочитанных в детстве, и стихов зародилась в Мише мечта о загадочной зелёной стране. Подростком отправился он с товарищами в путешествие в Азию, но был пойман и возвращён в гимназию. «Поехали в Азию, приехали в гимназию», – смеялись над ними гимназисты. Но волею судеб Пришвин через много лет познакомился с этнографом Ончуковым, ему он рассказал о своей детской неосуществлённой мечте попасть в страну непуганых птиц (птицы не пуганы там, где не видели людей), и тот пригласил его в экспедицию на Север, в Выговский край. Результатом путешествия стало 38 собранных сказок, вошедших в сборник «Северные сказки», а также книга, написанная особым пришвинским стилем «В краю непуганых птиц: Очерки Выговского края», за которую Пришвин был награждён серебряной медалью Русского географического общества. С тех пор Пришвин много путешествует. Перечень его путешествий велик: Выговский край, Карелия и Норвегия, Керженские леса, Заиртышская степь, Крым, Дальний Восток, Уралмаш, Беломорский канал, Пинега, Кабардино-Балкария, Малые Вежи под Костромой. Каждая поездка порождала новые очерки и поэтические повести: «За волшебным колобком», «Чёрный араб», «Жень-шень», «Берендеева чаща», «Корабельная чаща» и др.

Однако вернёмся в детство писателя и посмотрим, откуда пошли корни его восприятия социальной действительности, ведь самым известным произведением Пришвина в настоящее время являются его дневники, которые являются не только хроникой жизни, но и записями незаурядных и глубоких высказываний о социальных, политических событиях. Уже маленьким мальчиком Миша понял, что человеческий мир несовершенен. Рядом с барской усадьбой, была поповская, а ещё дальше крестьянские избы с земляным полом, и у людей, живущих в этих разных мирах, были совершенно разные судьбы. Именно в этом возрасте он стал бояться, по разговорам взрослых, мужиков с топорами, которые придут трогать барскую усадьбу. Так впоследствии и произошло, усадьбу сожгли. А после отобрали только что построенный Пришвиным дом, и он остался с семьёй без жилья совершенно нищим. Поэтому и власть большевиков была лучше власти озверевшей толпы крестьян. Отчего же эти крестьяне были озлоблены? От одного слухи слышит легенду, которая родилась в крестьянской среде, о втором Адаме. Слепил Бог второго Адама, а земли уже свободной не осталось, оттого и крестьяне остались безземельные.

Увлечение марксистской литературой наступает у Пришвина очень рано, благодаря товарищу по гимназии, будущему министру здравоохранения в СССР, Николаю Семашко. Желание изменить социальную несправедливость приводит студента Пришвина в 1895 году в марксистский кружок. А уже в 1897 году его приговаривают к тюремному заключению. Год тюрьмы и ссылка отводят его от связи с марксистами. Хотя он остаётся в оппозиции к царской власти, но революцию считает катастрофой. В 1917 году он написал о Ленине статью со значимым названием «Убийец». В одном из очерков один из героев говорит: *«Вот времена-то настали: раньше попы чертей судили. А нынче черти судят попов!»*. Ему удалось избежать после революции ареста благодаря многолетней дружбе Семашко, хотя дружба не мешала им всю жизнь вести идеологическую полемику.

Пришвин никогда не писал что-либо в угоду властям. Именно поэтому он не приступал к написанию произведений на острые социальные темы, но в годы войны, уже не мог стоять в стороне и в 1943 году пишет самое значимое для себя художественное произведение – притчу «Повесть нашего времени». Горем и испытаниями прошла война по судьбам людей. Как русский человек смог выжить? Какие духовные силы помогли ему не просто выжить, а стать лучше, нравственнее? В «Повести» ключевой становится тема спасения – души, семьи, любви, страны, – которая невозможна вне преображения человека, совершенствования его мироощущения, сознания. Повесть написана от имени простого слесаря, токаря, любящего читать книги. Из книг выбрал он себе десять учителей – мудрецов, книги переплёл ситечком, поставил на полку и только одного автора – Гоголя – поставил отдельно, ибо даже дочитать не может до конца его «Страшную месть». Чёрным гоголевским всадником начинается и заканчивается «Повесть нашего времени». Видимо, этот всадник и есть страшная беда, обрушившаяся на страну. И не только темой мести и возмездия начинается она и заканчивается, а также темами правды и любви. Первая глава так и называется «Песнь песней». Любовь деревенских молодых людей Милочки и Серёжи повествователю хочется

вознести, как царь Соломон когда-то вознёс историю любви. Но идёт война, и не может повествователь писать так, как хотел бы. Да и не писатель он, а простой человек. И рассказывает он непростую историю своего земляка деревенского парня Алексея Мироныча, пережившего плен, и увечья, и душевные раны. Вопросы, которые ставит Пришвин, поистине уровня Достоевского: любовь, прощение, месть, поиски правды и Бога. Значимыми словами заканчивается повествование. Рассказчик прощается с Алексеем Миронычем, отправляющимся искать правды, чтобы пройти по земле как тень страшного всадника: *«Пусть, Алёшенька, мой любимый сынок, бог найдёт тебя и поможет тебе, бедному, снять с себя это мученье твоё: всё понять, ничего не забыть и ничего не простить»*. И слова эти пожилой наставник говорит с непокрытой головой, как когда-то этого же Алёшу просил его отец, стоя на коленях и сняв шапку, просил не отречься от Бога. И сын внял ему, не потому что верил в Бога, а потому что жалко стало старика, любил он его. Не эта ли любовь и есть божественная любовь, не давшая пропасть Алёше и осквернить свою душу?

Повесть свою давал читать Пришвин многим писателям, издателям и Калинин. Каждый раз издатели заставляли его переписывать. И сколько бы Михаил Михайлович её ни изменял, всё равно не публиковали.

Такая же участь ждала следующий роман «Осударева дорога», где поднимались темы взаимоотношений старого и нового, осмысления судеб людей в процессе грандиозных преобразований. Роман не приняли ни издатели тех лет, ни современные критики. По мнению экскурсовода музея «Дунино», Пришвин всегда умел добиваться своего. Настойчивость и умение выживать в любых условиях – черта, унаследованная от матери, внушившей ему в детстве, что кроме слова «хочу» есть слово «надо». Два самых значимых для него произведения всё-таки были опубликованы, но уже посмертно в собрании сочинений. И в этом была заслуга его жены Валерии Дмитриевны Пришвиной, последней и самой важной любви писателя.

И здесь мы снова не можем не вернуться к значению любви в жизни писателя. Мы знали о его детской любви, это был идеал женщины, который он, видимо, и искал всю жизнь. В Париже двадцатилетний Пришвин влюбляется в русскую студентку в розовом платье, Варвару Измалкову. Три недели романтических отношений и разрыв. Позже Пришвин понимает, что он был не готов к серьёзным отношениям. Говоря определениями философа Эриха Фромма, эта была не любовь, а влюблённость, потому что главным в то время были для Михаила его собственные чувства, а не чувства другого человека. Мешало ему и затянувшееся его детство, говоря словами Пришвина. Спустя год он пишет Варваре письмо с просьбой начать сначала. И она приезжает, но по иронии судьбы Михаил перепутал день и не пришёл на свидание. Девушка ему не простила. *«Я её так полюбил, – писал Пришвин, – навсегда, что потом, не видя её, не имея писем о ней, четыре года болел ею и моментами был безумным совершенно и удивляюсь, как не попал в сумасшедший дом. Я помню, что раз даже приходил к психиатру и говорил ему, что за себя не ручаюсь»*. Эта любовь не давала ему покоя на протяжении 48 лет, всю жизнь. Писатель Алексей Варламов в книге «Пришвин» (из серии ЖЗЛ) называет Варвару Петровну Лаурой Михаила Пришвина. Желая погасить в себе чувства, Пришвин много путешествовал и взялся за перо. Именно этой несостоявшейся любовью, по признанию самого Пришвина, мы обязаны его литературному творчеству.

Михаилу Михайловичу было уже за сорок, когда встретила его тридцатилетняя крестьянка Фрося, убежавшая от мужа-пьяницы с годовалым ребёнком. Взгляд её огромных глаз был столь печален, что писатель не мог не пожалеть Фросю. Он искренне верил во многом, наверное, благодаря воспитанию своей тётки-народоволки, что сможет из необразованной и грубоватой Ефросиньи вылепить настоящую прекрасную жену. Хотелось и домашнего уюта, очага, забыть бередившую душу старую любовь. Но слишком разными были они с Павловной, как он называл жену. Пришвин раскаивался, что не развёлся с ней до рождения детей. У них росли два сына, и благодаря им Михаил Михайлович прожил с Павловной почти 27 лет. Но душевное одиночество и желание найти себе друга были такими сильными, что иногда хотелось выбежать на улицу и кричать: «Приди, друг!». В 1940 году к нему в ответ на его мольбы пришёл друг, с которым он не мог наговориться уже со второй встречи, Валерия Дмитриевна Лебедева. И это не просто друг, эта большая любовь, но разница в возрасте 26 лет, Пришвину уже 67 лет, очень много. «В своём дневнике он написал только два коротких слова *«А если?»*. И это если сбылось. 13 лет счастливых лет вместе до конца жизни. *«В моей жизни было две „звёздных встречи“, – написал писатель, – „звезда утренняя“ в 29 лет и „звезда вечерняя“ в 67 лет»*. Пришвины вместе написали книгу «Мы с тобой. Дневники любви». В этом дневнике были очень подробно описаны их чувства, их взгляды, их счастье. Наверное, это единственный случай в литературе, когда супружеская пара пишет совместную книгу. Валерия Дмитриевна и стала воплощением его детской покровительницы Марьи Моревны.

Удаляясь от своего детства, находя ответы на вопросы, волновавшие его тогда, писатель не очерствел сердцем. Он сохранил в себе чистоту родников истоков души. *«Есть те, – заметил писатель, – кто хранит своего младенца в себе до глубокой старости, и это делает их мудрецами»*. И есть ещё очень важная запись о том, что нам дано при рождении и что мы утрачиваем в процессе социализации: *«Бывает со мной постоянно, что прямое рассуждение сбивает тайную жизнь духа. Тогда мне высказывается формула: я думаю, значит, я ошибаюсь... Сверхличное состояние духа, по-видимому, и называется смиренномудрием»*.

В заключение мне хочется дать описание природы из выпущенной Валерией Дмитриевной по завещанию Михаила Михайловича книги лучших дневниковых записей со значимым названием «Незабудки». Природа спит, но спит *«не тем холодным сном могилы», а как спит моя мать. Спит и слышит меня*. Опять отсылка к лермонтовским стихам. Но хотя здесь природа спит, а не человек, смысл тот же – в единении человек и природы.

Я попыталась раскрыть некоторые родники и истоки жизни и творчества знаменитого писателя. Паустовский писал, что *«о Пришвине писать трудно, почти невозможно. Его нужно выписывать для себя в заветные тетради, перечитывать время от времени, открывая всё новые драгоценности в каждой строке его прозы-поэзии»*.